

Средний класс как зеркало кризиса российского социального государства

Доклады, которые были представлены на секции, посвященной социальной политике – новый средний класс, реформа здравоохранения, пенсионная реформа, развитие образования – в основном представляли собой отраслевые обзоры. Но когда я начал думать над итоговым сообщением, то обнаружил нечто, о чем напрямую не сказал ни один из выступающих, но что мы действительно можем рассматривать как ключевой вывод из этой секции.

Наше исследование, которое мы презентовали на секции, было посвящено вопросам кардинально изменившегося статуса, социальных предпочтений и мотивации среднего класса в Москве. Я его повторять не буду, отмечу только то, что мы не упомянули ни в презентации, ни в публикации по итогам исследования. Когда мы проводили первые фокус-группы для этого проекта в Москве в декабре 2009 года – ровно год назад, мы пригласили москвичей, которых отбирали по очень простому критерию: наличие в семье автомобиля стоимостью свыше 400 тыс. руб. Я присутствовал на этих группах, присутствовал и наш социолог Сергей Белановский. Когда он начал выслушивать то, что говорили люди, он сказал, что впервые в своей жизни на фокус-группе услышал то, что он раньше слышал в Москве только в кругу самых «отмороженных» либертарианцев. Это была совершенно жесткая и почти единодушная позиция людей, которые один за другим заявляли на двух фокус-группах подряд, в один вечер: «Нам не нужно государство, мы не хотим полагаться ни на какие формы социальной защиты со стороны государства, включая разного рода социальные услуги, мы не верим государственным гарантиям, и все наши социальные проблемы мы будем решать только сами и самостоятельно». До этого момента столь однозначной и последовательной позиции нам на фокус-группах еще не встречалось. Это было настолько необычно, что у нас возникло желание разобраться поглубже: откуда все это происходит.

Когда мы начали изучать ситуацию в Москве, мы обнаружили очень простую вещь, в Москве в последние 10 лет доминирующим источником доходов стал чисто рыночный источник, который не зависит ни от властей, ни от работодателей. Это доходы от жилой недвижимости, находящейся в собственности у населения. Доля этих доходов выросла примерно в 2 раза (слайд 7). Если сделать поправку на особенности методологии Росстата, то доходы от собственности накануне кризиса стали самым большим компонентом совокупных доходов московских семей. Они превысили такой источник, как заработная плата (слайд 8), и оказались по меньшей мере в 4 раза больше, чем объем социальных трансфертов. Доля социальных трансфертов в доходах москвичей составляла около 13 % в начале десятилетия, а на пике экономического роста в 2007 году упала до 8% (слайд 9). Этим людям федеральные пенсии вместе с надбавками, которые платил Лужков, были уже не интересны. Коэффициент замещения трудовой пенсии у представителей московского среднего класса получается меньше 15%. Московское государственное здравоохранение представителями среднего класса тоже не востребовано, они пользуются корпоративными страховками или платят самостоятельно. Таким образом, основные формы социальной защиты, которые присутствуют сегодня в российской системе социального обеспечения и социального страхования, не рассчитаны на новый средний класс, который сформировался на наших глазах.

Характерен пример эволюции политики московского правительства, которая все более отрывалась от интересов московского среднего класса (слайд 11). Линии на графике образуют перекрестие. Доля социальных расходов в бюджете правительства Москвы (синяя линия) выросла в 1,5 раза – с 8 до 12%, а доля инвестиций, в

транспортную инфраструктуру (это без сомнения необходимо москвичам с автомобилями свыше 400 тыс. рублей – участникам наших фокус-групп) упала практически в 2 раза (голубая линия). Примерно настолько же упала и доля социальных трансфертов в доходах москвичей (розовая линия), поскольку их замещали чисто рыночные доходы, делающие московские семьи независимыми от властей, независимыми от социальной политики и ориентированными на рыночные пути решения своих проблем. И отсюда эта бескомпромиссная либертарианская риторика, которую мы слышали на наших фокус-группах. Единственным исключением является высшее профессиональное образование, но об этом – в самом конце.

Несмотря на то, что для москвичей среднего класса социальные трансферты московского правительства утратили какую-либо осмысленную роль, московское правительство упорно поддерживало в течение десятилетия приоритеты, которые утратили актуальность.

На нашем круглом столе должна была быть презентация Сергея Владимировича Шишкина по реформе в сфере здравоохранения. Он не смог ее сделать. Поскольку я предварительно обсудил эти вопросы с ним и с Игорем Шейманом, и они прислали материалы, я позволил себе их использовать, чтобы сделать кое-какие предположения по поводу ситуации в здравоохранении.

Если мы посмотрим на расходы на здравоохранение в процентах ВВП, у нас была иллюзия, что в последнее десятилетие эти расходы росли очень быстро. На самом деле государственные расходы в процентах к ВВП увеличились незначительно, а в реальном выражении они по-прежнему ниже, чем в 1991 году. По государственным расходам на здравоохранение в процентах к ВВП Россия отстает от всех стран ОЭСР, кроме Мексики, причем от среднего уровня ОЭСР – почти в 2 раза. То качество лечения, которое может обеспечить государственный пакет медицинских услуг, просто не отвечает интересам людей с европейским уровнем дохода, а средний уровень доходов в Москве уже сейчас составляет по паритету покупательной способности 60% от уровня доходов Нью-Йорка – весьма богатой агломерации. Для людей с такими доходами существующие государственные стандарты медицинской помощи уже неприемлемы. Их как потребителей услуг здравоохранения такая ситуация вытесняет в частный сектор.

Последние инициативы правительства в сфере реформ создают дополнительные риски, которые могут усугубить эту проблему.

Во-первых, пакет законодательных новаций, который разработан Минздравсоцразвития России, сохраняет размытость госгарантий. Это значит, что будет финансироваться практически все, невозможно будет отделить финансируемые услуги от нефинансируемых, но будет финансироваться по низким стандартам обеспечения, который не позволяет обеспечить приемлемое качество государственной страховой медицины.

Во-вторых, в этой системе имплицитно предполагается формирование государственного задания от достигнутого, и это неизбежно будет происходить – мы хорошо знаем, как планируют государственные заказы и государственные задания бюджетной сети. Фактически новый механизм приведет к консервации бюджетной сети и к размазыванию ограниченного финансирования здравоохранения на избыточную численность персонала и учреждений, особенно, в стационарах.

В-третьих, ослабление роли страховых компаний, которое заложено в закон, оставляет средний класс лицом к лицу с неэффективной государственной бюрократией. Средний класс и в Москве и за ее пределами не любит общаться с бюрократией, он предпочитает оплачивать услуги и потреблять их без лишних проволочек, и это тоже дополнительный фактор, который ведет к вытеснению среднего класса в платный сегмент здравоохранения.

В-четвертых, сверхцентрализация бюджета здравоохранения. В Англии, где дифференциация по муниципалитетам бюджетов здравоохранения в начале правления Маргарет Тэтчер составляла где-то 20–25%, усиление межмуниципального выравнивания бюджетов здравоохранения проходило в течение 10 лет. У нас при дифференциации подушевого финансирования здравоохранения в несколько раз, выравнивание планируется осуществить в течение 1-2 лет. Такая сверхцентрализация здравоохранения приведет к тому, что в условно-богатых регионах, там, где бюджетное финансирование здравоохранения сегодня выше среднего, оно будет опущено на уровень, близкий к среднему по России и по стоимости и с точки зрения качества и возможности применения лучших практик. Для среднего класса, который сосредоточен именно в этих регионах, это означает только то, что ему придется в еще большей степени, чем сейчас полагаться на платные каналы получения услуг здравоохранения.

В пенсионной системе мы имеем похожую ситуацию. На сегодня пенсионная система занимается перераспределением ресурсов от относительно обеспеченных категорий населения и будущих пенсионеров в сторону относительно необеспеченных. Если у 60% низкооплачиваемых работников будущей индивидуальный коэффициент замещения будет превышать 40%, иногда достигать 50-60%, то у тех, кого мы сейчас можем отнести к среднему классу европейского стандарта, коэффициент замещения опускается до менее чем 15%. К сожалению, даже в накопительной составляющей пенсионной системы, где формально существует более тесная зависимость между размером будущей пенсии и объемами страховых взносов, которые выплачены пожизненно за конкретного человека, из-за относительно низкого по меркам среднего класса порога регрессии в действительности размеры накопительных пенсий тоже оказываются относительно небольшими.

Активный перевод обязательных накопительных взносов в негосударственные пенсионные фонды происходит высокими темпами. Сегодня это самый быстрорастущий сегмент российского финансового рынка. Мы провели недавно социологическое исследование среди агентов по маркетингу негосударственных пенсионных фондов и обнаружили, что агитация по переходу в НПФы плохо работает на предприятиях с заработной платой выше среднего. Агенты стараются работать на предприятиях, где зарплата ниже средней по стране. Коэффициент эффективности таких маркетинговых программ очень высокий – он приближается к 40%. Но на предприятиях с высокими зарплатами эффективность значительно ниже.

Точно так же программа государственного софинансирования добровольных взносов населения с ее 12000 руб. в год на 1 человека практически не вызывает интереса ни у работников, ни у работодателей. Мы работали с крупными работодателями страны с высоким уровнем средних заработных плат, они категорически отказывались интегрировать такого рода схему в свои корпоративные пенсионные программы. Это им просто совершенно не интересно.

Ну и, наконец, то, что случилось в 2005 году, когда из программы обязательного накопительного страхования исключили средние возраста, т.е. людей, которые родились между 1953–1957 и 1967 годами. С учетом возрастного профиля заработных плат, это возрастная группа с наибольшим уровнем доходов. Фактически, мы исключили из накопительной системы основную часть среднего класса. Это тоже было решение, которое привело к уменьшению шансов и мотиваций среднего класса участвовать в государственной системе пенсионного страхования. Неслучайно, по нашим опросам, 2/3 людей в Москве, которые собираются что-то накапливать на пенсию, собираются это делать в Сбербанке, еще 40% собираются вкладывать в недвижимость, а в пенсионных фондах собираются добровольно накапливать только 6% респондентов.

Представители среднего класса не верят в пенсионную систему, поскольку она всецело ориентирована на потребности бедных слоев, в то время как растущие издержки этой системы перекадываются на более-менее обеспеченных налогоплательщиков. Столбики в диаграмме на слайде 20 показывают собираемость взносов по ставке 14% на страховую и накопительную часть пенсии в процентах к фонду оплаты труда. В 2005 году, когда произошло существенное снижение номинальной и эффективной ставки взносов в социальные внебюджетные фонды, в том числе в Пенсионный фонд Российской Федерации, мы получили скачок поступления страховых взносов в процентах к фонду оплаты труда. Объяснить это ничем иным, кроме того, что снижение ставок привело к росту собираемости страховых взносов, мы не можем. Уровень собираемости взносов упал в кризис в 2009 году, но сильнее всего он упал в 2010 году на стадии выхода из кризиса, когда работодатели стали готовиться к уходу от повышенного уровня налогообложения фонда оплаты труда, который им пообещали на 2011 год. Резкое падение собираемости в 2010 году уже не отражает ухудшение ситуации в экономике, потому что номинальная заработная плата выросла темпом примерно 12%. А вот взносы по ставке 14%, поступающие в ПФР, в процентах от фонда оплаты труда снизилась до уровня 2003 года – самого низкого в этом ряду значений.

Фактически это сигнализирует, что средний класс не только не является активным потребителем услуг социальной защиты и социальной социального страхования, но и начинает оказывать пассивное сопротивление увеличению налогового бремени, предназначенному для финансирования неэффективных с его точки зрения социальных программ.

И последнее, что я хотел бы отметить по пенсиям. Обратите внимание на слайд 21. В свое время меня лично очень сильно удивило, почему в 2008 году, когда было впервые озвучено решение о предполагаемом повышении ставок страховых взносов, российские работодатели, в том числе РСПП, отмолчались. Разгадка вот на этом слайде. Этот слайд показывает, как менялась реальная зарплата, по сравнению с реальной выручкой предприятий, при дефлировании обоих показателей на индекс цен производителей. В 2008 году этот уровень был довольно низким, потому что в тот период цены производителей очень быстро росли благодаря перегреву мировых сырьевых рынков. Но в 2009 году реальная заработная плата с поправкой на индекс цен производителей выросла с резким опережением по отношению к выручке предприятий, это опережение составило 28% во втором полугодии 2008 года. И даже после того, как цены производителей несколько выросли в 2010 году, все равно реально нагрузка фонда оплаты труда на себестоимость из-за диспаритета цен производителей и динамики номинальной заработной платы, а также из-за опережающего падения выручки по отношению к занятости остается примерно на 20–25% выше, чем она была в самое благоприятное время – на пике перегрева накануне кризиса в 2008 году. К этим 15% правительство, не моргнув глазом, добавило еще примерно 5-6% эффективной ставки страховых взносов.

Вот почему сегодня мы получили откровенное неприятие повышения ставок страховых взносов со стороны работодателей. Это подтверждается не только их фактическими действиями и уровнем собираемости в конце 2010 года, но и социологическими исследованиями. И связано это не просто с тем, что правительство повысило уровень нагрузки. В некотором смысле правительству не повезло – это повышение налоговой нагрузки совпало с объективным повышением нагрузки в части фонда оплаты труда на себестоимость. В совокупности это превышение является нетерпимым для экономики и отсюда такое жесткое сопротивление предприятий. Несомненно, мы получим резкое падение собираемости в 2011 году. Повышение ставки взносов стало серьезной ошибкой, которую отчасти правительство совершило, не понимая того, что нас ожидает в кризис. Конечно, никто по-настоящему не понимал,

что именно произойдет с зарплатой, занятостью и выручкой в условиях кризиса, но сейчас мы пожинаем результаты этого непонимания.

В заключение – несколько слов про образование на основе материалов, представленных Татьяной Клячко. Анализ ситуации в этой сфере сквозь призму интересов среднего класса привносит некую ноту оптимизма. Недавно Всемирный банк попросил сделать актуализацию статистических данных, которые они использовали в своем докладе по территориальному развитию России. Среди прочего, была упомянута проблема низкого финансирования высшего образования: совсем недавно он составлял всего 20% от среднего уровня ОЭСР. Но в последние годы ситуация изменилась и сегодня подушевые расходы на одного бюджетного студента составляют около 60% от среднего уровня ОЭСР (слайд 26). При этом расходы на бюджетного студента заметно превышают расходы на студента коммерческого.

На слайде 27 показано, как эти деньги распределяются по вузам и, фактически, по территории страны. Мы видим, что есть вузы, которые практически не получают нормального финансирования, хотя они являются государственными учреждениями и находятся в сфере ведения Рособразования. Главный же прирост финансирования в последние годы был сосредоточен в узкой группе элитных вузов, куда почти не попадают выходцы из бедных семей. Таким образом, бесплатное высшее образование в российских элитных вузах понемногу превращается в качественное профессиональное образование для среднего класса. К сожалению, такая тенденция не прослеживается на других уровнях образования. Наша статистика рапортует о том, что и на низовых уровнях обучения, например, в сфере начального профессионального и школьного образования уровень заработной платы приблизился к 100% среднероссийской. Но беда в том, что методика расчета показателя средней заработной платы была изменена. Зарплата в образовании теперь сравнивается со средней зарплатой в обрабатывающей промышленности, а не в целом по стране. Если же пересчитать на старые сопоставимые показатели (слайд 29), то мы увидим, что в дошкольном образовании, например, средняя заработная плата составляет всего лишь 53% от средней по стране. Очевидно, например, что в детский сад с таким низким уровнем финансирования представители среднего класса будут стараться своих детей не отправлять, поскольку столь недофинансированная система создает немало рисков здоровью и возможностям развития детей.

Справедливости ради, надо отметить, что недофинансирование начального и среднего профессионального образования не представляет для среднего класса особой угрозы, поскольку он не предъявляет спроса на услуги этого сегмента. Но этого нельзя сказать об общеобразовательной школе, недофинансирование которой напрямую бьет по интересам среднего класса, вынуждая его перемещаться в платный сегмент. В отличие от высшего профессионального образования, общеобразовательная школа пока не повернулась лицом к среднему классу. Но в социальном плане, – с точки зрения баланса индивидуальных и общественных выгод от образования – более предпочтительна противоположная ситуация: повсеместная доступность качественного бесплатного школьного образования и частичная платность высшего образования для всех слоев общества, включая средний класс.

Спасибо за внимание.